Коллектив авторов

Сборник философских исследований XIX–XX веков: Кант, категории, схематизм, явление и сущность

Сборник философских исследований XIX–XX веков

Мориц Шлик

Сборник философских исследований XIX–XX веков: Кант, категории, схематизм, явление и сущность

«Автор»
2026

Шлик М.

Сборник философских исследований XIX–XX веков: Кант, категории, схематизм, явление и сущность / М. Шлик — «Автор», 2026 — (Сборник философских исследований XIX–XX веков)

Сборник объединяет пять философских исследований XIX–XX веков, посвящённых критическому осмыслению наследия Иммануила Канта и судьбам критической философии. Ф. А. Тренделенбург анализирует кантовское учение о категориях и его отношение к аристотелевской традиции; Э. Р. Курциус подвергает филологическому разбору главу о схематизме в «Критике чистого разума»; Б. Кроче исследует диалектику Гегеля как решение проблемы противоположностей; И. Ремке критикует кантовские понятия вещи самой по себе и чистого созерцания, предлагая собственную гносеологию; М. Шлик ставит под сомнение различение явления и сущности. Все тексты объединены стремлением к ясности, преодолению двусмысленностей и построению теории познания, свободной от некритически принятых предпосылок. Издание адресовано философам, историкам философии и всем интересующимся проблемами теории познания.

© Шлик М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение. 5
Фридрих Адольф Тренделенбург. Учение Канта о категориях. 12
Эрнст Роберт Курциус. Глава о схематизме в «Критике чистого разума» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Мориц Шлик, Иоганнес Ремке, Бенедетто Кроче, Фридрих Адольф Тренделенбург Сборник философских исследований XIX–XX веков: Кант, категории, схематизм, явление и сущность

Введение.

О составе и замысле сборника.

Предлагаемый вниманию читателя сборник объединяет пять исследований, принадлежащих перу выдающихся философов второй половины XIX — начала XX века: Фридриха Адольфа Тренделенбурга, Эрнста Роберта Курциуса, Бенедетто Кроче, Иоганнеса Ремке и Морица Шлика. Все они, при всём различии своих тем и методологических установок, сосредоточены вокруг одной сквозной проблемы — проблемы критического осмысления наследия Иммануила Канта и, шире, вопроса о том, как возможно философское познание после Канта. В центре внимания авторов оказываются ключевые понятия кантовской теоретической философии — категории, схематизм, явление и вещь сама по себе, — а также гегелевская диалектика, предложившая альтернативный способ мыслить единство и противоположность.

Сборник построен так, что читатель последовательно проходит путь от строго историко-философского анализа кантовского учения о категориях через филологическое исследование одного из самых тёмных разделов «Критики чистого разума» к систематическим попыткам преодоления кантовского дуализма — как в гегелевском духе (Кроче), так и с позиций собственной гносеологии (Ремке) и, наконец, с точки зрения строгого эмпиризма и позитивизма (Шлик). Такое построение позволяет увидеть, как одна и та же проблематика разрабатывается с существенно различных точек зрения и как философская мысль XX века вызревает в полемике с Кантом.

Фридрих Адольф Тренделенбург: учение Канта о категориях.

Открывает сборник исследование Фридриха Адольфа Тренделенбурга (1802–1872) — немецкого философа, логика и историка философии, одного из наиболее проницательных критиков Канта в XIX столетии. Тренделенбург известен прежде всего, как автор «Логических исследований» и фундаментального труда «История учения о категориях», из которого и взят представленный здесь фрагмент.

Работа Тренделенбурга представляет собой обстоятельный разбор кантовского выведения категорий. Автор прослеживает генеалогию проблемы: от Лейбница, выдвинувшего против Локка понятие необходимого, через Христиана Вольфа и его школу, к Канту, который, по мысли Тренделенбурга, впервые поставил задачу систематического выведения чистых понятий рассудка. Тренделенбург подробно анализирует, как Кант, отталкиваясь от аристотелевской таблицы категорий (предикаментов и постпредикаментов), отвергает её как «рапсодию» и строит собственную систему, исходя из логических функций суждения.

Особую ценность представляет скрупулёзное сопоставление кантовской таблицы суждений с логическими учениями предшественников — Аристотеля, Меланхтона, Вольфа, Реймаруса. Тренделенбург показывает, что кантовская четырёхчленная схема (количество, качество, отношение, модальность) не просто воспринята, но впервые развита до симметричной формы, и что именно из неё выводится таблица категорий.

Однако Тренделенбург не ограничивается историческим описанием. Он подвергает кантовское учение серьёзной критике. Его главные возражения таковы: во-первых, синтетическое единство апперцепции, которое Кант полагает последним основанием категорий, не может служить объяснением объективного единства суждения — единство самосознания остаётся «далеко позади того, что оно собственно должно обосновать». Во-вторых, вызывают сомнение отдельные члены кантовской таблицы: бесконечное суждение как особый вид качества и категорическое суждение как особый вид отношения. Если эти возражения принять, вместо двенадцати категорий остаётся лишь десять, и симметрия триадического порядка нарушается. В-третьих, схематизм чистого рассудка представляется Тренделенбургу искусственным построением: категории, облекаясь в трансцендентальные определения времени, молчаливо вбирают в себя пространственные и даже материальные элементы.

Тренделенбург завершает своё исследование указанием на глубокую проблему: если рассудок предписывает опыту законы, то в вещах должна лежать возможность этим законам повиноваться, — а это требует точки соприкосновения между вещами и категориями и, следовательно, снятия непознаваемости вещи самой по себе. Таким образом, уже в первом тексте сборника обозначается та проблематика, которая будет развита в последующих работах.

Эрнст Роберт Курциус: глава о схематизме в «Критике чистого разума».

Второе исследование принадлежит Эрнсту Роберту Курциусу (1886–1956) — немецкому филологу-романисту, одному из крупнейших историков европейской литературы. Однако представленная здесь работа — «Глава о схематизме в Критике чистого разума"» (1914) — является классическим образцом филологического анализа философского текста. Курциус ставит перед собой узкую, но чрезвычайно важную задачу: установить путём филологического анализа, что именно Кант хотел понимать под схемой и схематизмом.

Курциус напоминает, что глава о схематизме издавна пользуется дурной славой: Шопенгауэр называл её «крайне тёмной», Адикес предлагал вовсе не приписывать ей научной ценности, Грин и Кэрд объявляли схематизм «излишним различением». Автор не берётся решать вопрос о систематической ценности схематизма — его интересует исторический факт: что Кант действительно имел в виду.

Анализ Курциуса обнаруживает в главе о схематизме два различных, несовместимых понимания применения категорий к явлениям. Первое — это понимание как **подведения**: Кант начинает главу с рассуждения о подведении предмета под понятие, требующем однородности, и затем вводит схему как «третье», посредствующее представление между категорией и явлением. Второе — понимание как **синтеза**: в § 24 «Критики» та же проблема применения категорий решается через понятие synthesis speciosa, трансцендентального синтеза способности воображения.

Курциус показывает, что схематизм-подведение страдает внутренними противоречиями. Кантовский пример с тарелкой и кругом — «полный промах», ибо эти понятия не могут быть приведены в один порядок и, следовательно, не могут быть связаны в суждении подведения. Само понятие схемы как «третьего» (tertium) между понятием и созерцанием оказывается несостоятельным: «Tertium non datur!» — третьего не дано, есть только созерцания и категории. Кроме того, схематизм-подведение неорганически вклинивается в ход мысли, идущий от § 24 к схематизму-синтезу, и в дальнейшем изложении не играет никакой роли.

Напротив, схематизм-синтез, намеченный уже в § 24, представляет собой органическое решение проблемы. Курциус подкрепляет свой вывод ссылкой на рукописную запись Канта в личном экземпляре «Критики», где схематизм определяется как «синтез рассудка, когда он определяет внутреннее чувство сообразно единству апперцепции». Второе определение схемы — как правила определения нашего созерцания сообразно понятию — гораздо яснее первого и не оставляет сомнений в логическом приоритете понятия перед схемой.

Курциус приходит к выводу, что введение схематизма-подведения объясняется не существом проблемы, а принуждением, которое оказала на Канта избранная им систематика: глава о схематизме стоит в разделе, озаглавленном «трансцендентальная доктрина способности суждения», а способность суждения определяется как способность подводить под правила. Таким образом, филологический анализ Курциуса не только проясняет тёмный раздел кантовской «Критики», но и демонстрирует, как систематические предпосылки могут искажать изложение мысли.

Бенедетто Кроче: живое и мёртвое в философии Гегеля.

Третья работа — «Живое и мёртвое в философии Гегеля» (1909) — принадлежит Бенедетто Кроче (1866–1952), итальянскому философу, историку, литературному критику и политическому деятелю, одному из наиболее влиятельных мыслителей XX века. Кроче, прошедший школу неаполитанского гегельянства, видел в Гегеле мыслителя, впервые поставившего и решившего проблему противоположностей.

Кроче начинает с утверждения, что главная проблема Гегеля — это проблема логики философии, то есть вопрос о собственном методе философского познания, отличном от методов математики, естествознания, истории и искусства. Философское мышление, по Гегелю, есть понятие, всеобщее и конкретное — и именно в этом тройном определении Кроче видит существо гегелевского открытия.

Центральная часть работы посвящена проблеме противоположностей. Кроче показывает, что человеческий дух издавна мучился этой проблемой, пытаясь решить её либо через монизм (отрицающий противоположности как иллюзию), либо через дуализм (признающий их, но жертвующий единством). Оба решения неудовлетворительны, ибо одно жертвует единством ради противоположения, другое — единством противоположения.

Решение Гегеля Кроче формулирует как «ликующий крик открывателя»: противоположности не суть иллюзия, и иллюзия не есть единство. Противоположности суть противоположности между собой, но не противоположности по отношению к единству, ибо истинное и конкретное единство есть не что иное, как единство, или синтез, противоположностей. Единство не неподвижно — оно есть движение, развитие. Это решение не отталкивает монизм и дуализм, а подтверждает их оба, рассматривая их как односторонние истины, которые ждут своего истолкования в третьем.

Кроче подробно разбирает гегелевскую диалектику, её терминологию (моменты, снятие, отрицание отрицания), предостерегает против внешнего и произвольного характера числовой символики триады. Он различает негативную (субъективную) диалектику, которая лишь показывает, что противоположности вне синтеза немыслимы, и позитивную (объективную) диалектику как логическое учение о развитии. Он отвечает на возражения против гегелевской диалектики — будто бытие и ничто тождественны и потому не могут породить становление; будто конкретное всеобщее вводит чувственный элемент; будто Гегель отменяет принцип тождества. Все эти возражения, по Кроче, основаны на недоразумении: бытие и ничто тождественны лишь тогда, когда помыслены плохо; движение и развитие не есть нечто единичное, а есть универсальное; Гегель не разрушает принцип тождества, а вновь оживляет и укрепляет его.

Во второй части работы Кроче прослеживает историю диалектики от Зенона и Гераклита через Платона, Аристотеля, Филона, Плотина, Николая Кузанского, Джордано Бруно, Якоба Бёме, Декарта, Спинозу, Лейбница, Вико, Гамана, Якоби — к Канту, Фихте, Шеллингу и, наконец, Гегелю. Кроче показывает, что логика диалектики есть оригинальное открытие Гегеля не только в отношении отдалённых предшественников, но и ближайших: Кант не понимал себя самого полностью, Шеллинг оставался глух к пониманию своего бывшего друга, и только Гегель сумел вывести на свет всё истинно новое и жизнеспособное, что содержала кантовская философия.

Третья часть работы посвящена тому, как диалектика становится пониманием действительности. Кроче показывает, что с принятием диалектического принципа исчезают ложные противоположности и ложные различия, порождённые абстрактным интеллектом; что истинные противоположности (бытие и небытие, доброе и злое, истинное и ложное) не отрицаются, но понимаются как движущая пружина развития; что формула «что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно» не означает оптимистического оправдания зла, а выражает диалектическое понимание функции негативного. Кроче показывает, как гегелевская диалектика снимает противоположность рационального и реального, идеала и факта, должного и сущего, и как из этого вырастает более высокая оценка истории как священной истории духа.

Кроче завершает сопоставлением Гегеля с Вико — итальянским мыслителем, который, по его мнению, более чем кто-либо другой может быть поставлен рядом с Гегелем благодаря своему решительно диалектическому мышлению. Это сопоставление позволяет Кроче выявить глубокое родство между итальянской и немецкой философской традицией и вместе с тем подчеркнуть оригинальность гегелевского открытия.

Иоганнес Ремке: мир как восприятие и понятие.

Четвёртая работа — «Мир как восприятие и понятие» (1880) — принадлежит Иоганнесу Ремке (1848–1930), немецкому философу, создателю собственной гносеологической системы, которую он называл «философией как наукой» или «имманентным реализмом». Ремке был одним из наиболее оригинальных и независимых мыслителей своего времени, решительно порвавших с кантианством.

Книга Ремке открывается программным заявлением: автор принципиально становится на иную почву, чем кантовская, и полагает, что пришло время в теории познания выйти за пределы Канта. При этом он отнюдь не отрицает высокого культурного влияния кантовской гносеологии, которую он называет «превосходным исправительным домом для человеческого разума», — но именно потому, что она такова, считает нецелесообразным желать обеспечивать всё человечество в этом учреждении пожизненно.

Ремке начинает с критики аксиомы о границах человеческого познания, которая, по его мнению, лежит в основе всей кантовской теории познания. Он различает два смысла этой аксиомы: первый проводит границу посреди «бытия» (позиция английского эмпиризма), второй кладёт её между «явлением» и «бытием» (позиция кантианства). Ремке показывает, что положение о границах познания не может быть доказано, ибо граница предполагает два объекта, которые она призвана разделять, — а человеческому познанию дан именно его объект, но не ещё и другой, который не был бы его. Поэтому аксиома о границах есть не знание, а гипотеза, имеющая, впрочем, большую воспитательную ценность.

Центральная часть книги посвящена критике понятия «вещь сама по себе». Ремке прослеживает историю этого понятия от Декарта и Лейбница через Локка и Беркли к Канту и показывает, что Кант, снова восприняв это понятие, использует его совершенно новым и гениальным образом — как «пограничное понятие». Однако, по мнению Ремке, кантовская вещь сама по себе есть фикция: она должна быть чем-то большим, нежели проблематическое понятие, ибо иначе не могла бы служить для ограничения области значимости чувственного познания; но в то же время она лишена всякого созерцания и не может быть дана. Ремке показывает, что кантианство вращается в круге: вещь сама по себе — явление — вещь сама по себе, и не сознаёт этого лишь потому, что не признаёт тождества второй вещи самой по себе с первой.

Столь же критически Ремке относится к понятию «чистое созерцание». Он показывает, что Кант добывает это понятие через препарирование «явления»: отделяя от представления о теле то, что относится к рассудку и ощущению, он получает протяжённость и образ, которые называет чистым созерцанием. Но, по мнению Ремке, то, что остаётся после такого отделения, есть не созерцание, а понятие. Ремке ссылается на Эдуарда фон Гартмана, показавшего, что представление пустого поля зрения всегда остаётся нагруженным «материей» созерцания, чув-

ственным материалом ощущения, и что задача обрести очищенное от всякого эмпирического ощущения созерцание абстрактного пространства превосходит нашу способность.

В разделе о проблеме познания Ремке формулирует собственную позицию. Он исходит из предпосылки, что в основе процесса познания лежит противоположность Я и не-Я, и что в познании дано определённое отношение между ними. Ремке строго различает гносеологическую и реальную (бытийную) противоположность: в познании имеет место лишь противоположность и отношение Я и не-Я, или сознаваемого-сущего, но никогда познавательное Я и сущее не могут образовывать противоположность или иметь отношение друг к другу. Единственно и исключительно утверждение тождества познавательного не-Я и сущего может разрешить путаницу, в которой находятся все те, кто познавательный объект как реальное в самосознании Я относит к сущему как к иному.

Наконец, в разделе об элементе познания Ремке обосновывает своё ключевое понятие — восприятие. Он показывает, что первоначальное не-Я, первая форма, в которой выступает сознаваемо-сущее, есть восприятие, а первоначальное познавание Я — воспринимание. Ремке критикует кантовское понятие ощущения как элемента познания, показывая, что ощущение есть состояние бытия, а не объект познания, и что смешение психологического и гносеологического словоупотребления привело к тому, что ощущение было контрабандой перенесено в гносеологическую область. Он предлагает ограничить слово «ощущение» его психофизической сферой, а для элемента познания использовать слово «восприятие». Ремке также критикует попытки Шлейермахера и его школы сделать чувство элементом познания, показывая, что чувство есть состояниеподобность сознания, а не средство познания.

Мориц Шлик: явление и сущность

Завершает сборник работа Морица Шлика (1882–1936) — австрийского философа и физика, одного из основателей Венского кружка и ведущего представителя логического позитивизма. Статья «Явление и сущность» (1918) была опубликована в журнале «Kant-Studien» и представляет собой характерный образец раннего этапа творчества Шлика, ещё не порвавшего полностью с кантианской проблематикой, но уже нащупывающего собственный путь.

Шлик начинает с размышления о задачах философии. Он напоминает, что философия, по общему мнению, не производит положительную работу в том же смысле, что и отдельные науки: она не обогащает наше знание новыми фактами, а лишь обрабатывает уже найденные понятия. Шлик признаёт, что в этом воззрении содержится правильное и здоровое ядро, и что ошибка состоит лишь в том, что вместе с тем выносят ценностное суждение о философской работе. Задача философии, по Шлику, критическая, а не творческая: она состоит в очищении понятий от противоречий, в удалении всякого заблуждения из суждений. Философия не создаёт неслыханных новых истин, а выделяет из путаницы мыслей всё ложное, как Бэкон формулировал философскую задачу — очищение от «идолов».

Центральная часть статьи посвящена анализу пары понятий «сущность» и «явление». Шлик показывает, что эта пара ведёт к противоречиям, потому что она образована ложно. Её правовое основание — в различии постоянного и переменного, пребывающего и преходящего в нашем переживании. Пока разделение сущности и явления хочет означать только это, оно осуществимо без противоречия. Но уже словообразование намекает на то, что подразумевается ещё нечто иное: к противоположности постоянного и текучего прицепляются побочные мысли, которые делают противоречие почти неизбежным.

Шлик прослеживает историю этой пары понятий от элеатов через Платона, Демокрита, Декарта, Беркли к Канту. Он показывает, что древнейшая ошибка состоит в том, что забывают различать явление и видимость: явление отождествляется с недействительным, а сущность — с действительным. Платон, по Шлику, ввёл различение двух различных степеней действительности: сущность есть подлинная, явление — вторичный род реальности. Это различение двух

различных родов бытия есть, по мнению Шлика, «proton pseudos» — первая ложь, которая даёт повод к проблеме.

Шлик показывает, что Кант также не избежал этой ошибки. Понятие вещи самой по себе у Канта действительно представляет то, что обозначалось как «сущность», ибо вещи сами по себе суть то, что изъято из всякой субъективности. Кант не устаёт противопоставлять «только явления» и «самостоятельные сущности», и в этом «только» и «лишь» снова и снова обнаруживается мысль, будто вещам самим по себе присуща «высшая» реальность. Шлик показывает, что кантовская формулировка противоположности оказывается неосуществимой, потому что она страдает внутренним разладом: при предпосылке безотносительности явлений к вещам самим по себе в явлениях никогда не может лежать указание на существование трансцендентных вещей, и потому отсутствовало бы всякое основание вообще принимать отличное от сферы явлений царство сущности.

Шлик рассматривает различные попытки разрешить эту противоположность. Строгий позитивизм (Мах) вычёркивает вещи сами по себе и оставляет единственно сферу явлений, которая тем самым возвышается до сущности. Логический идеализм неокантианцев понимает разлад не как разграничение двух сфер действительности, а лишь как логическое или методологическое различение. Шлик отвергает оба решения: первое есть произвольная дефиниция, сужающая значение слова «действительное»; второе тщетно пытается обосновать бытие через мышление.

Собственное решение Шлика состоит в том, что противоположность сущности и явления исчезает, если мы откажемся от мысли о нескольких родах бытия, различных степенях реальности. Существует только одна действительность, и она всегда сущность. Существует бесконечно много родов действительных предметов, но только один род действительности, и он присущ им всем одинаковым образом. Это и было той основной ошибкой, которая повсюду давала повод к возникновению проблемы: верили в различные роды реальности там, где следовало бы говорить лишь о различных родах реального.

Шлик завершает свою статью утверждением, что непосредственные данные сознания суть самостоятельное бытие, полносодержательная сущность, и что мы не в состоянии более связывать какой-либо смысл с утверждением, что они были бы лишь феноменами скрытого, трансцендентного бытия. То, что мы познаём через наши понятия, есть всегда только сущность; явления не существует. У нас нет оснований жаловаться на непознаваемость мира: напротив, всё, что можно сказать о сущности внешнего мира, полностью содержится в соотнесённой с ним системе понятий, которую мы называем естествознанием.

Заключительные замечания.

Пять текстов, составляющих этот сборник, принадлежат различным эпохам, различным национальным традициям и различным философским направлениям. Тренделенбург представляет критический аристотелизм XIX века; Курциус — филологический подход к философскому тексту; Кроче — итальянское неогегельянство; Ремке — оригинальную гносеологию, порывающую с кантианством; Шлик — логический позитивизм XX века. Их объединяет, однако, не только общий предмет — кантовская философия и её наследие, — но и общий пафос: стремление к ясности, к преодолению двусмысленностей и противоречий, к построению такой теории познания, которая была бы свободна от некритически принятых предпосылок.

Читатель, прошедший вместе с авторами этот путь — от анализа таблицы категорий через филологию схематизма к диалектике противоположностей и критике вещи самой по себе, — сможет составить собственное суждение о том, в какой мере кантовская философия остаётся живой и сегодня, какие её элементы выдержали испытание временем, а какие оказались «мёртвыми». Именно в этом, как представляется, и состоит главная ценность предлагаемого сбор-

ника: он не даёт готовых ответов, но учит ставить вопросы так, как их ставили великие философы прошлого, — и тем самым помогает нам мыслить самостоятельно.

Фридрих Адольф Тренделенбург. Учение Канта о категориях.

«Синтетическое единство сознания есть условие всякого познания, под которым должно стоять всякое созерцание, чтобы стать для меня объектом, потому что иным способом и без этого синтеза многообразное не могло бы объединиться в одном сознании».

«Так из акта единства, с которым самому себе верное, самому себе равное Я схватывает себя, происходит единство, которое есть необходимая форма всякого познания и... многообразно отпечатлевается в образе суждений и категорий».

* * *

Правда, задача, которую КАНТ поставил себе — исследовать источники и границы познавательной способности, — была предуготовлена у предшественников, а именно у ЛОККА и в работах, которые ЛОКК вызвал у противников и сторонников. Но никто не понимал её в столь всеобъемлющем смысле и в столь глубоком направлении, как это сделал КАНТ.

ЛЕЙБНИЦ против ЛОККА, эмпирического борца с врождёнными идеями, выдвинул в особенности понятие необходимого, которое опыт, собирающий лишь случайное и движущийся лишь в сущем, никогда не может дать; он объявил воззрение, превращающее душу в tabula rasa, в которую лишь опыт вписывает свои письмена, простым порождением законченной теории, и [признал] понятия, как сущность, субстанция, единое, то же самое, причина, представление, умозаключение, которые рассудок носит в самом себе (1). Но нигде ЛЕЙБНИЦ не вывел эти лежащие над опытом понятия, которые впервые делают возможным сам опыт, в их сущности и из некоего общего и не развил их в самодостоверяющееся завершённое целое. Дело осталось при разрозненных понятиях, и когда философия ЛЕЙБНИЦА стала школой в ХРИСТИАНЕ ВОЛЬФЕ и его последователях, то, как это обычно бывает в школах, довольствовались унаследованным. Лишь КАНТ продолжил ЛЕЙБНИЦА в этом, как и в других пунктах. Ибо КАНТ хочет проследить чистые понятия до

«их первых зародышей и задатков в человеческом рассудке, в которых они лежат подготовленными, пока наконец при случае опыта не разовьются» (2).

Как некогда ЛЕЙБНИЦ против ЛОККА, так КАНТ вообще выдвинул на передний план природу всеобщего и необходимого и сделал её признаком всех понятий, которые, основанные в самом духе, предшествуют опыту.

Как у ХРИСТИАНА ВОЛЬФА дискурсивное противостало интуитивному, так и КАНТ исходил из того, что существуют два ствола человеческого познания, которые, возможно, происходят из общего, но нам неизвестного корня, а именно чувственность и рассудок. Через первую нам даются предметы, через второй они мыслятся (3). Для обоих КАНТ ищет априорные условия деятельности: для первой — в трансцендентальном учении о чувствах (эстетике), для второго — в трансцендентальной логике.

Пространство и время оказываются у него лежащими в нас априорными формами созерцания, и потому они отделяются согласно указанному различению от основных понятий рассудка, которые КАНТ исключительно называет категориями. На это отделение КАНТ придаёт значение.

««При исследовании чистых (не содержащих ничего эмпирического) элементов человеческих познаний», — говорит Кант в «Пролегоменах» (4), — мне после долгого размышления впервые удалось с достоверностью различить и отделить чистые элементарные понятия чувственности (пространство и время) от понятий рассудка».

КАНТ высказывает это в отношении категорий АРИСТОТЕЛЯ, которые, как кажется, представляются ему единственной предшествующей попыткой набросать систему категорий;

и они действительно, несмотря на изменение стоиков и критику ПЛОТИНА, господствовали в философии два тысячелетия. КАНТ с правом примыкает к АРИСТОТЕЛЮ, хотя и не с основательным историческим чутьём.

««Это был достойный проницательного мужа замысел Аристотеля», — говорит Кант в «Кр. ч. р.» (с. 107), — разыскать эти основные понятия. Но так как он не имел никакого принципа, то он сгрёб их, как они ему попадались, и набрал их сначала десять, которые он назвал категориями (предикаментами). Впоследствии он полагал найти ещё пять, которые он добавил под именем постпредикаментов. Но его таблица всё ещё оставалась недостаточной. Кроме того, среди них находятся также некоторые модусы чистой чувственности (quando, ubi, situs, равным образом prius, simul), а также эмпирический (motus), которые вовсе не принадлежат к этому основному реестру рассудка, или же производные понятия иногда причислены к первоначальным (actio, passio), и некоторых из последних совершенно недостаёт».

«Аристотель, — говорит Кант подобным образом в «Пролегоменах» (с. 118), — собрал десять таких чистых элементарных понятий под именем категорий. К ним, которые назывались также предикаментами, он впоследствии увидел себя вынужденным добавить ещё пять постпредикаментов (5), которые, однако, отчасти уже содержатся в первых (как prius, simul, motus); но эта рапсодия могла считаться скорее намёком для будущего естествоиспытателя, чем регулярно осуществлённой идеей, и заслуживать одобрения, почему она и стала, при большем прояснении философии, совершенно бесполезной».

Здесь можно оставить открытым, можно ли в смысле АРИСТОТЕЛЯ обозначать всеобщие предикаты непосредственно как чистые элементарные понятия и добавлены ли постпредикаменты АРИСТОТЕЛЕМ. В этой связи — это мало важно. Достаточно, что КАНТ исходил из наброска АРИСТОТЕЛЯ, но вскоре его покинул. Поскольку он отнёс пространство и время к чувственности, аристотелевские категории были разорваны.

««Тем самым», — говорит Кант, — из того реестра были исключены седьмая, восьмая и девятая категории (quando, ubi, situs). Остальные не могли мне ни к чему послужить, потому что не было налицо принципа, по которому рассудок мог бы быть полностью измерен и все его функции, из которых возникают его чистые понятия, могли бы быть определены полно и с точностью».

КАНТ пошёл теперь своим путём. Он искал основную деятельность рассудка, чтобы в ней и её видах найти основные понятия.

Это действие рассудка, содержащее все остальные, есть для него суждение, которое различается лишь различными модификациями или моментами — подводить многообразное представления под единство мышления вообще. Мышление есть объединение представлений в одном сознании. Итак, дело в том, чтобы определить виды этого объединения, которые наличествуют в видах суждений. Ибо все суждения суть функции единства среди наших представлений, поскольку вместо непосредственного представления для познания предмета используется высшее, которое охватывает это и несколько других под собой. Функции рассудка могут, следовательно, быть найдены в целом, если полностью представить функции единства в суждениях. Каждому из этих способов, по которым многообразие представлений объединяется в целое суждений, соответствует особое чистое понятие рассудка, которое делает вид суждения тем, что он есть, и выражает своеобразие единства, выступающего в таком целом. Здесь, следовательно, речь идёт прежде всего о полном познании логической функции в суждении, чтобы из него выделить основные понятия рассудка.

««Здесь лежала передо мной», — замечает Кант, — уже готовая, хотя ещё не совсем свободная от недостатков работа логиков; благодаря чему я был поставлен в состояние представить полную таблицу чистых функций рассудка» (6).

КАНТ затем определяет суждения. Они суть:

1. по количеству: общие, частные, единичные;

2. по качеству: утвердительные, отрицательные, бесконечные;

3. по отношению: категорические, гипотетические, разделительные;

4. по модальности: проблематические, ассерторические, аподиктические.

Если мы хотим обозреть, что КАНТ сделал для этого систематического сопоставления, то должны бросить взгляд на ту найденную у более ранних логиков работу, с которой КАНТ также разбирается в некоторых замечаниях (7). Я при этом учитываю в особенности philosophia rationalis ХРИСТИАНА ВОЛЬФА и «Учение о разуме» РЕЙМАРУСА. Если я не ошибаюсь, то КАНТ при своих замечаниях имел в виду как раз РЕЙМАРУСА; по крайней мере они попадают в него.

Со времён АРИСТОТЕЛЯ для учения о суждении не много нового произошло. Собственно, лишь рассмотрение разделительного суждения как чего-то существенного прибавилось, и то не во всём его значении; ибо, например, у ХРИСТИАНА ВОЛЬФА разделительное суждение стоит лишь как вид сложного предложения рядом с копулятивным.

Достоверно не без основания более ранние логики поставили качество суждений перед количеством. Оба обозначения — количество и качество суждения — встречаются рано, например, в указателе к «erotemata dialectices» МЕЛАНХТОНА (1551). Поскольку прежде всего в утвердительном и отрицательном виде высказывается сущность суждения, качество по праву предшествует количеству, и не ясно, почему КАНТ изменил порядок.

ХРИСТИАН ВОЛЬФ (§ 224) относит к количеству суждения общее, частное и единичное, как это воспринял КАНТ. Напротив, РЕЙМАРУС (§ 130) представляет под ним только общие и частные и учит (§ 132), что единичные утверждения или отрицания (propositiones individuales) собственно не имеют количества, потому что они имеют в качестве подлежащего лишь одну единичную вещь, но не несколько. На это, как кажется, ссылается КАНТ, когда требует для единичного суждения особого места под количеством (8).

Под качество были подведены утвердительное и отрицательное суждение. Бесконечное у ВОЛЬФА (§ 212) и у РЕЙМАРУСА (§ 151) не соподчиняется утвердительному и отрицательному, но, поскольку форма утвердительна, причисляется к утвердительному. Против этого направлено второе замечание КАНТА, чтобы приобрести для бесконечного суждения особое место.

Сведение под точку зрения отношения, как кажется, происходит от КАНТА. У ВОЛЬФА, как и у МЕЛАНХТОНА (9), категорическое суждение противостоит гипотетическому как безусловное обусловленному, тогда как разделительное является вместе с копулятивным как сложное. РЕЙМАРУС (§ 145) приводит условные и разделяющие предложения как «главнейшие» виды многократных (сложных). Так по крайней мере три вида, которые КАНТ объединяет под отношением, у предшественников ещё разбросаны.

Что касается наконец модальности, то она у ВОЛЬФА и РЕЙМАРУСА пропущена, тогда как у МЕЛАНХТОНА (10) propositiones modales ещё выступают в четырёх формах, которые рассматриваются в «Об истолковании» АРИСТОТЕЛЯ (necesse, impossibile, contingens, possibile). Три вида, которые КАНТ сопоставляет, легко получаются в их взаимном отношении и уже стоят вместе в одном месте АРИСТОТЕЛЯ («Аналитика», кн. I, 2). По КАНТУ, отличительное свойство модальности состоит в том, что она ничего не привносит в содержание суждения, как это делают величина, качество, отношение, а касается лишь ценности связки в отношении мышления вообще. Это моменты самого мышления, поскольку предмет «постепенно приобщается» рассудку (возможный, действительный, необходимый).

Из вышесказанного выясняется, что КАНТ не просто воспринял логическую таблицу суждений, но впервые развил её до наличной симметричной формы, в которой по три формы стоят под четырьмя основными понятиями.

В так набросанной таблице суждений предуказан путь к нахождению категорий. Ибо та же функция, которая даёт различным представлениям в суждении единство, даёт также и про-

стому синтезу различных представлений в созерцании единство, которое, выраженное вообще, называется чистым понятием рассудка. Ибо рассудок полностью исчерпан указанными функциями и его способность тем самым полностью измерена (11). Поскольку поэтому выделяются понятия, отпечатлевающиеся в тех формах суждений, следует таблица категорий:

1. количества: единство, множественность, целокупность;

2. качества: реальность, отрицание, ограничение;

3. отношения: a) присущность и субсистенция (substantia et accidens) b) причинность и зависимость (причина и действие) c) общение (взаимодействие между действующим и страдающим);

4. модальности:) возможность — невозможность) существование — несуществование) необходимость — случайность.

Если сравнить таблицу суждений и категорий, то они взаимно поясняют друг друга. Лишь в немногих пунктах требуется объяснение, что подведённое под категории понятие действительно содержится в функции суждения. КАНТ даёт его в особенности относительно ограничения и взаимодействия.

КАНТ выделяет основное понятие ограничения из бесконечного суждения. Бесконечное суждение, таково его мнение, утвердительно по логической форме, но понятие предиката отрицательно. Тем самым лишь бесконечная сфера всего возможного ограничивается настолько, что один пункт, один предикат отделяется от субъекта, но ему остаётся открытым прочее, при этом единственном исключении всё ещё бесконечное пространство предикатов. Эти бесконечные суждения, следовательно, в отношении содержания познания лишь ограничительны, и они представляют ограничение как основное понятие. КАНТ поясняет это примером. Если о душе говорится, что она не смертна, то отрицательным суждением удерживается заблуждение. В бесконечном суждении: душа есть не-смертная, напротив, по логической форме утверждается, поскольку душа ставится в неограниченный объём не умирающих существ. Поскольку теперь из всего объёма возможных существ смертное содержит часть, не-смертное же другую, то этим положением не сказано ничего иного, как что душа есть одно из бесконечного множества вещей, которые остаются, если отнять всё смертное в целом. Через это одно исключение, которое содержит бесконечное суждение, основное понятие есть ограничение (12).

Когда КАНТ находит взаимодействие в разделительном суждении, он пытается доказать соответствие следующим образом: во всех разделительных суждениях сфера как целое разделена на части, которые подчинены понятию субъекта, но соподчинены между собой, так что они определяют друг друга не односторонне, как в ряду, а взаимно. Если полагается один член деления, то все остальные исключаются, и наоборот. Подобное соединение мыслится в целом вещей; например, части тела притягивают друг друга и взаимно сопротивляются. Части не подчинены одна другой как своей причине, а соподчинены друг другу. То же самое действие, которое рассудок соблюдает там, где представляет себе сферу разделённого понятия, соблюдает он и тогда, когда мыслит вещь как делимую, и как члены деления в первом исключают друг друга и всё же связаны в одной сфере, так и части последней он представляет себе как такие, чьё существование как субстанций присуще каждой также исключительно в отличие от остальных, но всё же как связанных в одном целом (13). Таким образом, понятие взаимодействия соответствует функции рассудка в разделительном суждении.

Как модальность в суждении не есть особый предикат, так и модальные понятия (возможность, действительность, необходимость) не прибавляют никакого определения к вещам.

Факт категорий тем самым изложен; категории найдены в их порядке. Но КАНТ требует большего. Ибо их правомочность должна быть доказана из правового основания, и КАНТ называет объяснение того, как понятия a priori могут относиться к предметам, трансцендентальной дедукцией (14) их. Она ведёт к последнему основанию единства.

Многообразное представлений может быть дано в созерцании. Но соединение многообразного вообще никогда не может прийти к нам через чувства. Оно есть акт спонтанности способности представления, и так как её в отличие от чувственности приходится называть рассудком, — действие рассудка (синтез), которое первоначально едино для всякого соединения должно считаться одинаковым. Мы не можем представить себе ничего как соединённое в объекте, не соединив его предварительно сами; и понятие единства делает соединение возможным. То единство, которое a priori предшествует всем понятиям соединения, предполагают все категории, как и все функции суждений, и потому его происхождение должно искать выше, чем они сами. КАНТ находит его поэтому в первоначально синтетическом единстве апперцепции.

«Я мыслю» должно мочь сопровождать все мои представления; ибо иначе они не были бы моими представлениями; но оно само есть спонтанный акт, не принадлежащий чувственности; первоначальная апперцепция, которая во всём сознании одна и та же. Мы соединяем различные представления все в одно и то же сознание и связываем различно модифицированные состояния Я в представление тождественного Я. Через синтетическое единство впервые становится возможным представление, что наше самосознание во всех отдельных действиях восприятия одно и то же. Без этого синтеза мы имели бы столь многоцветное, различное самость, сколько представлений мы имеем, сознаваемых нами.

Синтетическое единство сознания есть условие всякого познания, под которым должно стоять всякое созерцание, чтобы стать для меня объектом, потому что иным способом и без этого синтеза многообразное не могло бы объединиться в одном сознании. Суждение есть не что иное, как способ приводить данные познания к объективному единству апперцепции. Все суждения и потому также все категории покоятся, следовательно, на трансцендентальном единстве апперцепции.

Так из акта единства, с которым самому себе верное, самому себе равное Я схватывает себя, происходит единство, которое есть необходимая форма всякого познания и прежде всего многообразно отпечатлевается в образе суждений и категорий.

КАНТ ограничивает применение категорий к познанию вещей предметами опыта (15). Ибо мыслить предмет и познавать предмет — не одно и то же. Для познания нужны две части: во-первых, понятие, через которое вообще мыслится предмет (категория), и, во-вторых, созерцание, через которое он даётся. Без предмета понятие было бы лишь мыслью по форме. Но всё возможное для нас созерцание чувственно. Поэтому мышление предмета вообще через чистое понятие рассудка может у нас стать познанием лишь постольку, поскольку это понятие относится к предметам чувств. Даже математические понятия сами по себе не суть познания, кроме как поскольку предполагается, что существуют вещи, которые могут являться нам лишь сообразно форме того чистого чувственного созерцания. Вещи в пространстве и времени даются лишь постольку, поскольку они суть восприятия (представления, сопровождаемые ощущениями), следовательно, через эмпирическое представление. Поэтому категории служат лишь возможности опыта. Поскольку эмпирический синтез зависит от трансцендентального, все явления природы в их соединении стоят под категориями как первоначальным основанием их закономерности.

Так чистые понятия рассудка суть принципы возможности опыта, происходящие из синтетического единства апперцепции как формы рассудка в отношении пространства и времени как форм чувственности.

Спрашивается, однако, как возможно применять категории к явлениям или подводить явления под чистые понятия рассудка. Ибо в то время как подведение требует однородности, категории, принадлежащие мышлению для себя, и явления как предметы чувств совершенно неоднородны. Поэтому то применение понятий рассудка к чувственным представлениям возможно лишь благодаря тому, что существует опосредующее представление, которое, с одной стороны, через своё интеллектуальное свойство родственно категориям, а с другой — через

свою чувственную природу родственно явлению и одновременно априорно. Такое опосредующее представление есть «трансцендентальное определение времени». Ибо оно однородно с категориями постольку, поскольку обладает всеобщностью и покоится на правиле a priori; и оно однородно с явлением постольку, поскольку время содержится в каждом отдельном представлении многообразного. Поэтому применение категорий к явлениям посредством трансцендентального определения времени будет возможно, каковое как схема понятий рассудка опосредует подведение последних под первое.

Так, по КАНТУ, чистые бесобразные понятия рассудка через время обретают чувственный образ, и этот схематизм, трансцендентальный продукт воображения, изображается КАНТОМ для отдельных категорий (16).

Прежде всего в количестве. Чистая схема величины как понятия рассудка есть число. Поскольку оно есть представление, которое объединяет последовательное прибавление единицы к единице, поскольку они однородны, оно возникает благодаря тому, что я сам порождаю время в схватывании созерцания.

В качестве в рассмотрение входят понятия реальности, отрицания и ограничения. Реальность и отрицание, первая — бытие, второе — небытие во времени, противостоят друг другу в различии наполненного и пустого времени. Поскольку реальность в чистом понятии рассудка есть то, что соответствует ощущению вообще, и каждое ощущение имеет степень, благодаря которой оно может более или менее наполнять то же время, то есть внутреннее чувство, пока не прекратится в ничто, — ограничению в этом переходе от реальности к отрицанию соответствует определённая степень наполнения времени.

В отношении получаются следующие образования.

Схема причины есть реальное, за которым, когда оно полагается по произволу, всегда следует нечто другое. Она состоит, следовательно, в последовательности многообразного, поскольку оно подчинено правилу.

Схема взаимодействия есть одновременность определений одной субстанции с определениями другой по общему правилу.

Наконец, чистые понятия модальности облекаются во время.

Схема возможности есть согласование синтеза различных представлений с условиями времени вообще. Например, противоположное в одной вещи не может быть одновременно, а лишь последовательно. Схема возможности есть поэтому определение представления вещи к какому-либо времени.

Схема действительности есть существование в определённом времени.

Схема необходимости есть существование предмета во всякое время.

Поэтому схемы суть не что иное, как определения времени a priori по правилам, и они, следуя порядку категорий, относятся к временному ряду, содержанию времени, порядку времени, наконец, к совокупности времени в отношении всех возможных предметов. Так всё многообразное созерцания во внутреннем чувстве получает единство, и схемы дают чистым понятиям рассудка значение, поскольку они опосредуют отношение к объектам.

Если под категориями мы понимаем основные понятия как таковые, то здесь учение о них у КАНТА завершается. Изолированно набросанные и чисто ограниченные рассудком, они теперь приняли чувственный образ, поскольку облеклись в определения времени. Поскольку тем самым их ограниченная изолированность снята, они способны к применению. К категориям как таковым уже не относится, когда КАНТ далее показывает, как с помощью категорий образуются регулирующие суждения, основоположения чистого рассудка.

Из категорий как истинных основных понятий чистого рассудка получаются также чистые, но производные понятия. КАНТ хочет назвать их в противоположность первоначальным, которые называются категориями, предикаментами, предикабилиями чистого рассудка и оставляет за собой полностью набросать их для дополнения системы (17). Он до этого не

дошёл, но отсылает читателя к попытке по онтологическим учебникам. Там их можно найти довольно полно и лишь распределить по классам под категориями. Так, например, категории причинности подпадают предикабилии силы, действия, страдания, взаимодействию — присутствие, сопротивление; предикаментам модальности — возникновения, исчезновения, изменения и т. д. Если категории соединяются с модусами чистой чувственности или между собой, то получается большое количество производных понятий a priori, которые можно перечислить до полноты.

Система категорий, замечает наконец КАНТ (18), делает всякую трактовку любого предмета чистого разума в свою очередь систематической и даёт указание или путеводную нить, как и через какие пункты исследования должно вестись всякое метафизическое рассмотрение, если оно должно стать полным; ибо она исчерпывает все моменты рассудка, под которые должно быть подведено всякое другое понятие. Так у КАНТА и в кантовской школе категории становятся единообразным планом для трактовки любых понятий, и считали, гордо полагая, что предмет систематически исследован и систематически описан, если его растянули по извне приложенной мерке четырёх категорий.

Если мы хотим теперь судить об учении КАНТА о категориях, которое в вышеизложенных основных чертах складывается в небольшое целое, то мы не должны привносить чужие точки зрения, а должны исследовать собственные предпосылки КАНТА. Достижение должно измеряться замыслом, выводы — предпосылками.

Последнее основание категорий есть, как указывает КАНТ в трансцендентальной дедукции, синтетическое единство апперцепции, единство самосознания. Виды суждений, которые представляют способ, каким многообразие данных представлений возводится в единство сознания, суть функции того синтетического единства апперцепции, и категории суть своеобразные основные понятия единства (чистые понятия рассудка), которые обнаруживаются в видах суждений. Тем самым для исследования обозначены прежде всего три пункта: во-первых, синтетическое единство апперцепции с приданным ему КАНТОМ значением, во-вторых, положенные в основу виды суждений и, в-третьих, категории, поскольку они выделены из этих форм суждений. К этим основам примкнёт схематизм чистого рассудка и применение категорий как предмет проверки.

Каждый акт нашего познания отмечен направленностью на единство. Восприятие соединяет многообразное в единство; суждение ставит особенное под единство всеобщего; доказательство стремится к необходимому единству условий в основании; наука ищет единство принципа и его развития. Что поэтому многое есть единое и единое есть многое, то есть многое не есть многое, и единое не есть единое, было вскоре замечено и рано выступило как противоречие, как диалектическая задача. Ею занимаются сначала элеаты, и ею ещё занимается ГЕРБАРТ, когда в своей метафизике доказывает противоречия в понятии опыта и для их устранения вводит метод отношений. Лишь там, где позднее противоречие было возведено в собственную форму сущности, логическую трудность приветствовали.

КАНТ решает её так, что многое, многообразное воспринимается через созерцание, но соединение есть акт спонтанной способности представления, имеющий своё последнее основание в Я, собирающемся в тождество. Через трансцендентальное единство апперцепции, содержащееся в созерцании многообразное объединяется в понятие объекта.

Как, по КАНТУ, уже в области созерцания материя каждого восприятия (многообразное явления, соответствующее ощущению) даётся извне, поскольку чувства аффицируются предметами; но форма, благодаря которой многообразное явления может быть упорядочено в известных отношениях (пространство и время), лежит наготове в нашей душе: так же повторяется то же воззрение в отношении рассудка, которому даётся многое, но который берёт единство из себя, из основного акта самосознания, которое в «я мыслю» сопровождает все представления. КАНТ таким образом удерживает учение о пространстве и времени и учение о

категориях в одном и том же направлении субъективного и тем завершает тот результат, который связывает познание с явлением и отнимает его у вещи самой по себе.

В каждом суждении единство высказано так, как будто оно обосновано в связи вещи. В самой вещи лежит, что, например, в суждении: «прямая линия есть кратчайший путь между двумя точками» — субъект и предикат вступают в единство, и притом в это и никакое другое. Это единство не создаётся и не объясняется тем, что я, мыслящий, есмь один и знаю себя в себе равном единстве. Внутренняя связь вещи (прямая, кратчайший путь) не имеет дела с собирающимся в единство субъектом; та остаётся, мыслится она или нет; это в объективном образе суждения есть молчаливая предпосылка; лишь когда связь мыслится, она сопровождается себе равным самосознанием. Синтетическое единство апперцепции есть основное условие для акта сознательного мышления; но не для вещи, которая мыслится, и для отношений вещи, которые высказываются в суждении. В этом смысле указанное основание (единство самосознания) остаётся далеко позади того, что оно собственно должно обосновать (предметного единства суждения). Самосознание полагает, что в суждении высказало нечто иное, чем собственное единство. Цель и средство объяснения остаются здесь, следовательно, в противоречии (19).

Вся возможный опыт покоится, по КАНТУ, на единстве самосознания, от которого исходят функции суждений и основные понятия рассудка. Поэтому на том же пункте покоится в конечном счёте результат, который КАНТ часто повторяет: рассудок черпает свои законы не из природы, а из себя самого и предписывает их ей (20). Известно сравнение, которым он пояснил это отношение (21).

««С этим», — говорит Кант, — обстоит так же, как с первой мыслью Коперника, который, после того как объяснение небесных движений не шло хорошо, если он предполагал, что всё звёздное воинство вращается вокруг зрителя, попытался, не удастся ли лучше, если он заставит вращаться зрителя, а звёзды, напротив, оставит в покое».

КАНТ в своём метафизическом воззрении ведёт себя, следовательно, обратно КОПЕРНИКУ в астрономическом. До тех пор созерцающий, судящий опыт направлялся по предметам и вращался, так сказать, вокруг оси вещей. КАНТ же оставляет формы созерцания, пространство и время, наготове в субъекте и покоящимися в субъекте и находит понятия, которые представляют единство, в самом рассудке. Опыт направляется теперь по мыслящему духу и, определяемый им, описывает вокруг него свои орбиты.

В этом воззрении было нечто великое, что не упустило своего воздействия на время. Эмпиризм был оставлен, эмпиризм, который отдал дух под опасное господство материальных вещей, и дух, в эмпиризме служебный, стал господином, и в нём выросло представление о его собственном значении. Но наряду с этим возвышением лежал результат, граничащий со скепсисом, и от него нельзя было отделить. Если, а именно, опыт таким образом направляется по нам, то мы не познаём вещь, какова она сама по себе. Мы ищем вещи и находим только себя. Дух, который мнил себя познавшим, в этой победе отрезал себе познание. Его победа была поражением. Оставалась задача — понять познание так, чтобы духу было воздано то, что принадлежит духу, а вещам — то, что принадлежит вещам. Дух побеждает, только когда он овладевает вещами, но не когда он лишь вбрасывает в них свой собственный призрак и отказывается от них самих. Поэтому как раз история науки направлена на то, чтобы переводить субъективные элементы наблюдения и опыта в объективное и разлагать видимость в её основание.

Для суждения о КАНТЕ и здесь должен быть подчёркнут тот пункт, который уже ранее был выдвинут в отношении пространства и времени (22).

Субъективное и объективное обозначают в познании отношения, которые не исключают друг друга, но при известных условиях могут друг друга требовать. Последняя необходимость будет необходимостью как для духа, так и для вещей, субъективной и объективной одновременно. В такой необходимости укоренено познавание. Если поэтому что-либо доказано как необходимое, то оно, правда, что касается основания познания, происходит не из опыта, соби-

рающего лишь случайное, но было бы прыжком отделять его поэтому от вещей. Как раз это следует применить к кантовскому воззрению на единство суждения. Поскольку единство самосознания есть условие всякого мышления, всякого суждения, то этим не доказано, что не во всяком познании единство одновременно имеет объективное значение. Если связь одновременно обоснована в вещи, то возникает задача воспроизвести это единство вещи, и мышление должно его снова породить. Не доказано, что субъективное единство самосознания становится на место того единства вещи или как оно могло бы это сделать.

Согласно данной КАНТОМ трансцендентальной дедукции, двенадцать функций суждений как различные способы единства возвращаются в синтетическое единство апперцепции. Если бы это было правильно, то это единство самосознания было бы всеобщим, и виды суждения должны были бы получиться как особые образы, к которым определялось бы это единство самосознания. Но так это мыслить нельзя. Акт, которым Я собирает себя, есть только один и единообразный; и когда оно в суждении ставит представления в различные отношения единства, то оно схватывает в них не своё собственное единство различно, а единство чужого. Невозможно, чтобы формы суждений были способами и модификациями удерживающего сознание единства.

Так становится сомнительным собственное основание категорий, объяснённых, как только субъективные.

Однако если мы пока уступим это основание, то, во-вторых, в рассмотрение входят двенадцать функций суждения, принятые КАНТОМ для выведения категорий. При этом для качества и отношения напрашивается существенное сомнение.

Первое касается бесконечного суждения как особого вида качества. Я не хочу здесь повторять то, что пытался доказать в другом месте (23). Бесконечное суждение (например, «душа есть не-смертное» вместо «душа не смертна») есть искусственная форма, возникшая единственно из эксперимента логиков, которые освободили отрицание из естественной связи со связкой и втиснули его в предикат. Оно утвердительно по форме и отрицательно по содержанию, в чём ясно выступает внутреннее противоречие этой сделанной формы. Если КАНТ рассматривал бесконечное суждение так, будто в его основе лежит своеобразное понятие ограничения, то для форм суждения различие отрицания и ограничения остаётся сомнительным. Если в бесконечном суждении, как его берёт КАНТ, исключается один пункт, но только один, причём бесконечная возможность остальных предикатов остаётся открытой, то такое ограничение очень ограничено, и такое ограничение не есть собственное ограничение, поскольку последнее происходит по нескольким сторонам. В этом смысле всякое отрицание есть ограничение, и всякое ограничение есть отрицание. Всякое отрицание исключает предикат; всякое ограничение удерживает чужое, и это отношение логически становится отрицанием.

Второе сомнение касается категорического и гипотетического суждения как двух различных видов отношения. АРИСТОТЕЛЬ в «Органоне» трактовал только позже так названное категорическое суждение и в нём попал в основную форму. Вскоре после него прибавили гипотетическое, и то, что оно отсутствовало у АРИСТОТЕЛЯ, считалось пробелом. Однако, как было показано в другом месте (24), границы трудно провести. Всякое категорическое суждение заключает в себе гипотезу, и гипотетические суждения можно превратить в категорические. Субстанция есть условие для акциденции [признака — пер.], и потому отношение присущности [внутреннего пребывания — пер.], в котором предикат категорического суждения стоит к субъекту, переходит в отношение основания и следствия. Гипотетическому же суждению лежит в основе отношение действующей причины, которое можно свести к деятельному субъекту категорического суждения. В одном отношении отношение гипотетического суждения (основание и следствие) кажется более всеобщим, чем отношение категорического (субстанция и акциденция); ибо условие к обусловленному может быть понято так внешне, что оно не легко укладывается в категорическую форму, если в ней строго должна удерживаться

присущность. Однако доказано, что присущность из своей собственной природы становится причинной, и потому категорическая форма не может быть привязана к покоящемуся свойству. Если хотят в простом примере созерцать невозможность соподчинить категорическое и гипотетическое суждение на одной линии с разделительным как два различных вида, то пусть сравнят двойное равнозначное выражение пифагоровой теоремы: «Если треугольник прямоугольный, то квадрат гипотенузы равен сумме квадратов обоих катетов» (гипотетически), и: «Прямоугольный треугольник имеет свойство, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов обоих катетов» (категорически). Обе формы (категорическая и гипотетическая) вместе образуют один вид и противостоят разделительному суждению как другому, поскольку те высказывают содержание понятия, это расчленяет объём. В этом смысле эти два вида происходят из логической природы понятия, лежащего в основе суждения (25).

Если признать и должно признать оба возражения, поднятые против бесконечного суждения и против двух различных видов категорического и гипотетического, то теперь вместо двенадцати имеется лишь десять форм, и симметрия триадического порядка в категориях нарушена. КАНТ придавал значение тому, что в каждом из четырёх классов третья категория происходит из первой и второй, соединённых в одно понятие (26). Между тем это привлекательное равномерство, поскольку оно должно было бы получиться из таблицы суждений, для качества и отношения после вышеизложенных рассуждений само собой распадается.

Следующий вопрос — правильно ли КАНТ выделил из положенных в основу форм суждения образующее их понятие (категорию) — в большей части связан с предыдущим. Ибо мы, согласно вышесказанному, будем оспаривать место у ограничения рядом с отрицанием, у отношения субстанции и акциденции рядом с отношением основания и следствия, поскольку они должны вытекать из тех различных форм суждения. Я должен, однако, сверх того обратить внимание на взаимодействие, которое КАНТ вывел из разделительного суждения. Он с правом понимал его как суждение деления. Но есть ли взаимодействие логического деления, в котором члены строго исключают друг друга, не соприкасаясь, и лишь вместе составляют объём высшего, более общего понятия, — одно с реальным взаимодействием взаимопроникающих сил? Деление есть вид логического взаимодействия, но такой, который не может служить для изображения взаимодействия вообще. Рядом с делением стоит определение, рядом с разделением — объяснение. Если в последнем взаимодействующие понятия, как части, образуют содержание понятия как целого, то в нём части охвачены логическим взаимодействием, которое гораздо ближе к реальному, чем деление. Получилась бы очень ограниченная категория взаимодействия, если бы рассудок мыслил её только по аналогии деления (27).

Если категории были чистыми понятиями рассудка и как таковые были изъяты из созерцания, то они, чтобы обрести возможность применения, должны были принять образ в элементе чистого созерцания. Это произошло через трансцендентальное определение времени, и этот схематизм необходим, чтобы снять изолированное положение чистых понятий рассудка. Если все категории укоренены в единстве самосознания, то форма внутреннего чувства лежала ближе всего, чтобы в ней наделить чистые понятия рассудка чувственной ясностью. До сих пор схематизм представляется последовательным.

Но можно спросить: если категории облекаются лишь в трансцендентальные определения времени, как же они вводятся тогда в пространство? И остаются ли эти чистые образования времени всё ещё на том же расстоянии от пространства? Если сравнить отдельные способы, какими КАНТ сливает категории с определениями времени, то становится ясно, что при этом у него молчаливо вдвинулись представления, которые сверх времени несут в себе пространственные или даже материальные элементы. Это обнаруживается там, где под качеством как схема реальности обозначается наполненное время, а под отношением как схема субстанции — пребывающий субстрат.

Трудно без прыжка снова обрести созерцание, если не дать категории возникнуть в созерцании и вместе с ним. Поэтому дело будет в том, чтобы найти в самом духе продуктивный принцип, образующий акт, лежащий в основе всякого созерцания и всякого мышления, чтобы из него вывести основные понятия. Тогда не нужно никакого искусственного схематизма.

Если рассудок, как высказывается КАНТ, предписывает опыту через категории законы, то в вещах, в содержании опыта, должна лежать возможность им повиноваться. Это послушание уже есть акт. Тем, что они подчиняются законам и дают себя охватить в категориях, они вступают с рассудком в общение, для чего необходимо, чтобы часть условий лежала в них. Чем это становится возможным? Если толчок, который, по КАНТУ, субъект получает в опыте, должен остаться толчком извне и не стать в последовательном развитии, которое осуществил ФИХТЕ, актом субъекта, то здесь между вещами и категориями требуется по меньшей мере одна точка соприкосновения, и это требование повело бы дальше и вынудило бы прежде всего в этом одном пункте снять непознаваемость вещи самой по себе. Либо следуют влечению субъективного учения о категориях, и тогда нельзя упорствовать в предпосылках, с которыми вступили в кантовское исследование, и прежде всего в предпосылке внешнего опыта, либо удерживают эту предпосылку, тот толчок извне, и тогда должны понимать категории, а также пространство и время иначе; ибо они необходимо претерпевают преобразование, если серьёзно идти по следам той привязки к объективному, как бы её ни брали.

Наконец, КАНТ полагал ценность категорий в том, что они делают систематическим всякое исследование, берущее их путеводной нитью. Поэтому КАНТ по плану четырёх категорий трактует понятия, которые должны замкнуться в полный круг. В «Кр. ч. р.» даже паралогизмы рациональной психологии и даже значения ничто (28) движутся по предписанию четырёх категорий. Метафизические начала естествознания подразделяются на четыре главных раздела, первый из которых рассматривает движение как чистое количество по его составлению без всякого качества движимого и называется форономией, второй рассматривает его как принадлежащее качеству материи под именем первоначально движущей силы и потому называется динамикой, третий рассматривает материю с этим качеством через её собственное движение в отношении друг к другу и выступает под именем механики, четвёртый же определяет её движение или покой лишь в отношении к способу представления или модальности, следовательно, как явление внешних чувств, и называется феноменологией (29). В «Критике способности суждения» понятия прекрасного и возвышенного определяются по категориям. В сочинении «Религия в пределах только разума» (1798, с. 135) церковь понимается по четырём категориям и соответственно в её сущности обозначается как всеобщая, чистая, свободная и неизменная. И известно, как часто в пору расцвета кантовской философии, даже в обыденных вещах, чтобы заслужить лёгкую видимость философского рассмотрения, вступали на путь категорий, прежде чем с него сойти. Ведь и позднее формулы, которые лишь с немного большим многообразием предуказывали мыслям путь, были удобны и любимы, даже признаком спекулятивного познания. Уже у КАНТА, испытующего исследователя, можно изучить опасность. Где он применяет категории, они часто удаляются от первоначального логического употребления и предлагают лишь неопределённую аналогию. Так, например, едва ли вспомнишь о логическом качестве, об утверждении (реальности), отрицании и ограничении, когда КАНТ в «Метафизических началах естествознания» трактует качество материи так, что понимает под ним движущую силу.

Закончим признанием КАНТА (30): «О свойстве рассудка — только посредством категорий и только именно через этот вид и число их — a priori осуществлять единство апперцепции, — нельзя далее указать никакого основания, как и того, почему мы имеем именно эти, а не другие функции для суждений или почему пространство и время суть единственные формы нашего возможного созерцания». Наш рассудок, следовательно, снабжён готовыми основными понятиями, как наше созерцание — готовыми формами, и мы находим себя с этим приданым.

В нём отсутствует необходимость, которая лежит только в развитии; и тем самым дальнейшему рассмотрению был указан путь (31).

ЛИТЕРАТУРА: Friedrich Adolf Trendelenburg, Beiträge zur Philosophie, Bd. 1, Geschichte der Kategorienlehre, Berlin 1846

Примечания

1. ср. особенно Лейбниц в «Nouveaux Essays», кн. 2, глава 1, и в письме к Бирлингу у Кортхольта, Epistolae Ad Diversos, т. IV, 1742, с. 15.

2. Критика чистого разума, изд. B, с. 91.

3. Кр. ч. р., указ. соч., Введение (к концу), с. 29.

4. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука, Рига 1783, § 39, о системе категорий, с. 119.

5. Кант перечисляет предикаменты так: 1) substantia, 2) qualitas, 3) quantitas, 4) relatio, 5) actio, 6) passio, 7) quando, 8) ubi, 9) situs, 10) habitus; постпредикаменты: oppositum, prius, simul, motus, habere.

6. Пролегомены, с. 119.

7. Кр. ч. р., указ. соч., § 9, с. 96 и след.

8. Кр. ч. р., с. 96

9. Меланхтон, указ. соч., с. 113.

10. Меланхтон, указ. соч., с. 130.

11. Кр. ч. р., § 10, с. 104, 105.

12. ср. Кр. ч. р., с. 97

13. Кр. ч. р. § 11, с. 111 и след.

14. Кр. ч. р., § 13, с. 116 и след.

15. Кр. ч. р., § 22, с. 146 и след.

16. Кр. ч. р., с. 176 и след. и 182 и след.

17. Кр. ч. р., с. 108; ср. Пролегомены, с. 123. Кант здесь преобразует словоупотребление предикабилий. Praedicabilia называются в старой логике (например, Меланхтон, «erotemata dialectices», указ. соч., с. 8) пять основных понятий, трактуемых сначала в «Топике» Аристотеля, затем во «Введении» Порфирия, которые принимаются во внимание при образовании определений: species, genus, differentia, proprium, accidens.

18. Пролегомены, с. 121.

19. Ср. мои «Логические исследования», т. 1, с. 301 и след.

20. ср. например, Пролегомены, § 36.

21. Кр. ч. р., предисловие ко второму изданию, с. XVI и след.

22. см. мои «Логические исследования I», с. 129.

23. Логические исследования II, с. 183 и след.

24. ср. рассуждение в «Логических исследованиях I», с. 177 и след.

25. Логические исследования II, с. 175 и след.

26. Кр. ч. р., § 11, с. 111. Пролегомены, с. 122.

27. ср. «Логические исследования I», с. 309 и след.

28. Кр. ч. р., указ. соч., с. 348

29. «Метафизические начала естествознания», 1787, предисловие, с. XX.

30. Кр. ч. р., указ. соч., § 21, с. 145 и след.

31. Можно было бы недоставать перед Кантом и рядом с ним Ламберта, который, правда, старался об основных понятиях (ср. его «Новый Органон», т. 1, Лейпциг 1764, с. 453 и след. и «Набросок архитектоники, или теория простого и первого в философском и математическом познании», т. 1, Рига 1771, с. 141 и след.). Между тем он, как и Локк, к которому он примыкает, не довёл дело до собственно учения о категориях в смысле логики.

Эрнст Роберт Курциус. Глава о схематизме в «Критике чистого разума» [Филологическое исследование]

К числу наиболее печально известных частей «Критики чистого разума» относится глава «О схематизме чистых рассудочных понятий», которая, по ШОПЕНГАУЭРУ, «пользуется славой крайне тёмной, ибо ни один человек никогда не мог из неё уразуметь что-либо путное» (1). ««Её место», — говорит Генрих Леви (2), автор последней работы на эту тему, — не сразу распознаваемо, её изложение, неоспоримо, трудно, порой тёмно, первые впечатления, которые получаешь от её смысла, столь странны, что она всегда вызывала удивление и одному современному противнику Канта показалась похожей на метафизический роман» (3). Английский исследователь Канта ГРИН объявляет схематизм излишним различением («a surplus of distinction»). Также и КЭРД объявляет схематизм излишним, а АДИКЕС (4) замечает в своём издании «Критики чистого разума»: «Здесь перед нами темнейший фрагмент Критики, некоторыми поэтому считаемый глубочайшим. Были испробованы разнообразные решения загадки, часто крайне запутанные. Я предлагаю новое, весьма простое, которое, правда, покажется верующим в Канта весьма дерзким, если не даже нечестивым или фривольным. По моему мнению, разделу о схематизме вообще не следует приписывать никакой научной ценности, поскольку он лишь по систематическим основаниям был позднее вставлен в краткий очерк». (Высказывания Грина, Кэрда и Адикеса цитирует Генри Хорас Уильямс в «The Monist», т. 4, с. 375 и след.) Все эти трудности должны быть разрешены второй частью вышеупомянутого исследования ЛЕВИ. Она «должна показать, что во всяком случае возможно такое понимание, которое отводит схематизму в критическом здании Канта не роль особого украшения на вкус Христиана Вольфа, а значение весьма интересного несущего архитектурного члена, который распространяет своё действие во всех направлениях». К сожалению, до сих пор вышедшая первая часть работы ЛЕВИ ещё не содержит этих разъяснений, они ожидаются лишь во второй части.

Вопрос о систематическом значении схематизма не должен ставиться в нижеследующем исследовании, решение о ценности и неценности понятия схемы не должно быть вынесено. Следует лишь — путём филологического анализа главы о схематизме — установить исторический факт: что КАНТ хотел понимать под схемой и схематизмом? Темноте предмета, вероятно, следует приписать то обстоятельство, что специальная литература о главе о схематизме весьма немногочисленна. Есть диссертация «Учение Канта о схематизме чистых рассудочных понятий» ЗИГФРИДА НАЙДЕ, Галле-на-Заале, 1878. Но после её прочтения становишься столь же умным, как и прежде, поскольку она по существу лишь парафраз [пересказ другими словами — прим. пер.] кантовского текста. К 1894 году относится статья ГЕНРИ ХОРАСА УИЛЬЯМСА «Kant's doctrine of the schemata» в американском журнале «The Monist», т. 4, с. 375. И об этой статье нельзя сказать, что она облегчает понимание главы о схематизме. Объяснение схемы как «type of experience» оригинально, но отнюдь не кантовское. Несравненно ценнее работа ВАЛЬТЕРА ЦШОККЕ в т. 12 «Kant-Studien», 1907. В одном месте моего исследования я перенял важный результат ЦШОККЕ (см. ниже). Но в целом намерение ЦШОККЕ направлено менее на интерпретацию Канта, чем на систематическое продвижение проблемы. Наконец, в вышеупомянутой работе ЛЕВИ мы располагаем последней трактовкой темы. Но из этой работы, как сказано, пока вышла лишь первая часть, и в ней о схематизме ещё вовсе нет речи, а только о предшествующих ему частях «Критики чистого разума». Поэтому я не могу использовать книгу ЛЕВИ для своих целей. Столько в качестве предварительного замечания (5).

Каковы те ряды мыслей в «Критике чистого разума», которые приводят к построению учения о схематизме? Кратко резюмируем мысли, изложенные во Введении, Эстетике и Аналитике понятий, поскольку они подготавливают схематизм!

Всякое человеческое познание состоит из суждений. Но все суждения либо аналитичны, либо синтетичны. Аналитическими называются суждения, предикат которых есть лишь признак понятия субъекта, уже мыслимый в этом понятии субъекта. Синтетические же суждения — такие, предикат которых добавляет к понятию субъекта нечто новое. Очевидно, что для прироста познания значение имеют только синтетические суждения. Но всякое познание либо эмпирическое, т. е. порождённое действием познавательной способности на чувственные впечатления, либо априорное, т. е. «возникшее» независимо от всех чувственных впечатлений. Сопоставим эти определения с дефиницией синтетических суждений, и получится следующее: те синтетические суждения, которые конституируют эмпирическое познание («синтетические суждения a posteriori»), заимствуют новые признаки, добавляемые ими к понятию субъекта, из неизмеримой области чувственных впечатлений. Но откуда берутся предикаты в синтетических суждениях a priori? Как возможны синтетические суждения a priori? Что они возможны, не может быть поставлено под сомнение. Ибо в математике, чистом естествознании и, по крайней мере предположительно и по цели, в метафизике наличествуют такие суждения. Вопрос: как возможны синтетические суждения a priori? Как возможна метафизика? Ответ на эти вопросы выпадает на долю особой науки — критики априорной познавательной способности, или критики чистого разума. Она называется также трансцендентальной критикой, причём трансцендентальное = касающееся возможности априорного познания. Трансцендентальная критика пытается решить вопрос о возможности синтетических суждений a priori тем способом, что исследует наши познавательные способности по отдельности на предмет априорных элементов. Соответственно она распадается — в соответствии с двумя факторами, или «стволами», познания (чувственность и рассудок) — на трансцендентальное учение о чувственности, или Эстетику, и трансцендентальное учение о рассудке, или Логику. Трансцендентальная логика, в свою очередь, распадается на три части, соответственно «трём высшим познавательным способностям»: рассудок (в узком смысле), способность суждения и разум. (B 169) Рассудку и способности суждения соответствуют обе книги трансцендентальной Аналитики, разуму соответствует трансцендентальная Диалектика. Таков архитектонический план «Критики чистого разума». Каково её содержание?

Трансцендентальная Эстетика приходит к результату: всё, что дано нам непосредственно через чувства («наглядно»), мы переживаем в двух априорных формах созерцания, а именно в пространстве и времени. И трансцендентальной Логике удаётся обнаружить априорные формы. Это 12 чистых рассудочных понятий, или категорий. Эти 12 категорий суть лишь модификации одного действия рассудка: обработки хаоса чувственных впечатлений рассудком («синтез многообразного в созерцании»). Этот синтез становится возможным благодаря единству сознания в мышлении, т. е. благодаря трансцендентальному (или: синтетическому) единству апперцепции. Только оно превращает хаос ощущений (чувственных впечатлений) в мир вещей. Иначе говоря, только благодаря применению категорий к чувственному созерцанию порождаются предметы и становится возможным познание. Но категории чисто интеллектуальны, созерцания чисто чувственны. Как же возможно применение категорий к созерцаниям?

Решение этой проблемы предлагает глава «О схематизме чистых рассудочных понятий». Там сказано: «Во всяком подведении предмета под понятие представление о первом должно быть однородно с последним… Но чистые рассудочные понятия в сравнении с эмпирическими (да и вообще чувственными) созерцаниями совершенно неоднородны и никогда не могут быть встречены ни в каком созерцании. Как же возможно подведение последних под первые, следовательно, применение категории к явлениям?» (B 176)

«Теперь ясно, что должно существовать нечто третье, что должно быть однородно, с одной стороны, с категориями, а с другой — с явлением, и делать возможным применение первых к последнему. Это посредствующее представление должно быть чистым (без всего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой — чувственным. Таково трансцендентальное схема». (B 177) Что же такое кантовский схематизм? Есть только один способ ответить на этот вопрос: мы должны рассмотреть высказывания КАНТА о схеме и схематизме по порядку, т. е. мы должны воспроизвести ход мыслей главы о схематизме и интерпретировать смысл отдельных мест.

Однако прежде чем я подробнее рассмотрю предложенное в главе о схематизме решение проблемы применения категорий, нам будет полезно рассмотреть решение той же проблемы, данное КАНТОМ в другом месте. Ибо можно ожидать, что на учение о схематизме прольётся более ясный свет, если сопоставить его с другой трактовкой той же проблемы. Эта другая трактовка находится в трансцендентальной дедукции категорий. Там фигурирует § 24, трактующий «о применении категорий к предметам чувств вообще». И это применение категорий к предметам и есть как раз та проблема, которая должна быть решена посредством схематизма. Можно возразить против выражения «предметы чувств», потому что предметы впервые порождаются применением категорий к данным чувственности. Но КАНТ под предметами чувств имеет здесь в виду именно такие данные, он имеет в виду «многообразное, данное в чувственном созерцании» (B 143). В этом § 24 сказано: «Чистые рассудочные понятия относятся через один лишь рассудок к предметам созерцания вообще, безразлично, нашего ли или какого-либо иного, но всё же чувственного, и потому суть лишь формы мысли, посредством которых ещё не познаётся никакой определённый предмет. Синтез или связывание многообразного в нём относился лишь к единству апперцепции и был тем самым основанием возможности априорного познания, поскольку оно покоится на рассудке, и, следовательно, не только трансцендентален, но и чисто интеллектуален. Но так как в нас априори лежит некая форма чувственного созерцания, основывающаяся на восприимчивости способности представления (чувственности), то рассудок как спонтанность может определять внутреннее чувство через многообразное данных представлений сообразно синтетическому единству апперцепции и таким образом априори мыслить синтетическое единство апперцепции многообразного в чувственном созерцании как условие, которому необходимо должны подлежать все предметы нашего (человеческого) созерцания; благодаря этому категории как лишь формы мысли получают объективную реальность, т. е. применение к предметам, которые могут быть даны нам в созерцании, но лишь как явления, ибо только их мы способны созерцать априори. Этот синтез многообразного в чувственном созерцании, возможный и необходимый априори, может быть назван фигурным (synthesis speciosa)». (B 150–151) Synthesis speciosa точнее определяется наименованием «трансцендентальный синтез способности воображения». «Способность воображения есть способность представлять предмет и без его присутствия в созерцании. Но так как всё наше созерцание чувственно, то способность воображения, в силу субъективного условия, при котором она одна только может дать рассудочным понятиям соответствующий созерцание, принадлежит к чувственности; но поскольку её синтез есть всё же осуществление спонтанности, которая определяет, а не есть, как чувство, лишь определяемое, и, следовательно, может априори определять чувство сообразно его форме в соответствии с единством апперцепции, постольку способность воображения есть способность определять чувственность априори, и её синтез созерцаний сообразно категориям должен быть трансцендентальным синтезом способности воображения, что есть действие рассудка на чувственность и первое применение его (одновременно основание всех остальных) к предметам возможного для нас созерцания». (B 151–152) Я должен был привести собственные слова КАНТА, чтобы показать, что здесь действительно речь идёт о той же проблеме: о применении категорий к данным чувств. Согласно § 24, это применение совершается в форме синтеза. Этот синтез осуществляется способностью

воображения, «основной способностью человеческой души», посредством которой «связаны оба крайних конца, а именно чувственность и рассудок». (A 124) Но объектом синтеза являются не непосредственно данные чувств, эмпирические созерцания, а «формы чувственного созерцания a priori», т. е. чистые формы созерцания: пространство и время. Если сравнить с этим решением проблемы другое, предложенное в главе о схематизме, то обнаруживается: в главе о схематизме применение категорий к данным чувств понимается как подведение (а не как синтез), и в качестве посредника между данными чувств и категориями вводится новое понятие — трансцендентальная схема.

Рассмотрим теперь учение о схематизме подробнее. Как часто у КАНТА, и здесь терминология нестрога и непоследовательна, хотя КАНТ знает, что философское познание может быть достигнуто не иначе как «по строжайшим правилам школьной пунктуальности». (Пролегомены, Реклам, с. 36) А именно, в главе о схематизме существует двоякое словоупотребление относительно того, к чему должны применяться категории. Синопимически употребляются:

1. подведение «эмпирических (да и вообще чувственных) созерцаний» под категории (B 176) и

2. подведение явлений под категории (B 178). «Явления» и «созерцания», стало быть, употреблены как равнозначные. Последовательным, точным является, собственно, лишь противопоставление категорий и созерцаний, ибо «явление» часто равнозначно «предмету», а это выражение было бы здесь ошибочным по той же причине, что и в § 24. Как бы то ни было, это имеет меньшее значение; напротив, для понимания главы о схематизме высочайшей важности важно уяснить себе понятия «подведение» и «схема».

Глава о схематизме начинается с абзаца о подведении. Он гласит: «Во всяком подведении предмета под понятие представление о первом должно быть однородно с последним, т. е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете; ибо именно это означает выражение: предмет содержится под понятием. Так, эмпирическое понятие тарелки однородно с чистым геометрическим понятием круга, поскольку округлость, мыслимая в первом, может быть созерцаема во втором». (B 176) Что здесь означает подведение?

В традиционной логике понятие подведения выступает в учении о суждении. Согласно древнейшему и ещё ныне весьма распространённому, хотя научно давно устаревшему воззрению на сущность суждения, «… утвердительное элементарное суждение значимо, если субъект есть вид по отношению к роду предиката, если объём субъекта, следовательно, подводим под объём предиката. Согласно этой теории подведения… субъект всякого значимого суждения есть, в схоластическом выражении, contentum, предикат — continens; смысл связки: содержаться в объёме, быть включённым, заключённым, подведённым под объём предиката. В несколько более общей формулировке Аристотель высказал это допущение как не нуждающуюся в доказательстве предпосылку в своих высказываниях о силлогизме. Для него подведение под отношение вида и рода исключается вследствие его узкой трактовки этих двух определений предметов… Та же трактовка господствует в развитии западноевропейского истолкования суждения по существу вплоть до нашего времени… Кант также, несмотря на некоторые зачатки иного понимания, придерживается её». (Эрдман, Logische Elementarlehre, с. 343/44) Я цитирую место из КАНТА, на которое ссылается ЭРДМАН: «Во всяком суждении есть понятие, которое значимо для многого и под этим многим охватывает также данное представление, каковое последнее затем непосредственно относится к предмету. Так, например, в суждении: все тела делимы — понятие делимого относится к различным другим понятиям; но среди них оно здесь особенно относится к понятию тела… Все суждения суть, следовательно, функции единства среди наших представлений, так как вместо непосредственного представления для познания предмета используется более высокое, которое охватывает это и многие другие под собой, и многие различные познания благодаря этому сводятся в одно». (B 93, 94) Если сравнить это место с замечаниями о подведении в главе о схематизме, обнаруживается, что в обоих

местах имеется в виду одно и то же. Подведение предмета под понятие есть не что иное, как подчинение особенного общему в суждении.

Но теория суждения, которая истолковывает все суждения как акты подведения, совершенно несостоятельна. Ибо «… теории подведения, если она хочет быть последовательной, остаётся лишь допущение, что отношение части к целому, более узкого к более широкому, которое она утверждает, совпадает с… отношением вида к роду. Ибо оно должно быть отношением объёма. Сравнение объёмов двух предметов… возможно лишь при предпосылке, что оба могут быть приняты как члены одного и того же порядка, т. е. относятся друг к другу как вид и род. Это следствие, однако, противоречит составу суждений в бесчисленных случаях, когда предметы субъекта и предиката принадлежат к различным порядкам». (Эрдман, там же, с. 346) Суждение «Тела делимы» может быть понято как подведение, только если преобразовать его в: тела суть делимые вещи. А именно, возможно (хотя и искусственно) образовать порядок, в котором «тела» и «делимые вещи» встречаются на разных ступенях. Это определение, что в суждении подведения могут связываться только такие предметы, которые принадлежат к одному порядку, знает и КАНТ. Он выражает его в предложении: «Во всяком подведении предмета под понятие представление о первом должно быть однородно с последним, т. е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете; ибо именно это означает выражение: предмет содержится под понятием». В этом несколько витиеватом объяснении условие всякого подведения, а именно принадлежность к одному порядку, не выражено достаточно точно, что затем и мстит за себя: однородными могут быть ведь и понятия, которые не принадлежат к одному порядку, но имеют общий признак. Это значение слова «однородный» прокрадывается в следующее предложение. «Так, эмпирическое понятие тарелки однородно с чистым геометрическим понятием круга, поскольку округлость, мыслимая в первом, может быть созерцаема во втором». Однородны эти понятия, конечно, постольку, поскольку они имеют общий признак округлости, но совершенно невозможно привести их в один порядок. Поэтому совершенно невозможно и связать их в суждении подведения. Я не могу сказать: «Тарелка есть круг». Но тогда этот пример — полный промах. Ведь он должен был пояснить отношение подведения. И как раз для этого он не годится… Как мог случиться с КАНТОМ такой промах? Он сформулировал условие всякого подведения недостаточно точно, назвал его нестрогой формулировкой «однородность», не заметив, что однородность имеет гораздо более широкое значение. Пример с тарелкой при первом и втором чтении главы о схематизме причиняет много головной боли, потому что не видно, каким образом он пригоден для иллюстрации отношения подведения. Я полагаю, можно лишить этот пример его авторитета и просто оставить его без внимания. Если же всё-таки держаться за него и понимать отношение категории и схемы как копию отношения между кругом и тарелкой, то зайдёшь в тупик.

Итак, мы теперь знаем, что КАНТ в нашей главе понимает под подведением, и можем перейти к следующему пассажу, где подведение применяется к конкретному случаю, а именно к отношению категорий и созерцаний, или явлений. «Но чистые рассудочные понятия, — говорится там, — в сравнении с эмпирическими (да и вообще чувственными) созерцаниями совершенно неоднородны и никогда не могут быть встречены ни в каком созерцании. Как же возможно подведение последних под первые, следовательно, применение категории к явлениям?» Обратим внимание на переход. Ход мысли таков: я только что установил условие, при котором возможно подведение предмета под понятие. Теперь от меня требуют совершить подведение явлений под категории. Но при этом требуемом от меня подведении отсутствует всякое условие. Как же я могу всё-таки совершить это подведение? Естественным ответом было бы: подведение просто невозможно! Если однородность понятий необходима для подведения, а понятия не однородны, то придётся отказаться от подведения. Отсюда далее следовало бы, что применение категорий к явлениям, если оно должно быть возможным, должно иметь иную форму,

чем форма подведения. КАНТ не делает этого вывода. Он выходит из положения несколько софистическим способом, и за ним нужно внимательно следить. Он говорит: «Теперь ясно, что должно существовать нечто третье, что должно быть однородно, с одной стороны, с категорией, а с другой — с явлением, и делать возможным применение первой к последнему». Это утверждение отнюдь не кажется читателю столь самоочевидным, как льстит себе КАНТ. Но это «теперь ясно» имеет у КАНТА то же значение, что у СПИНОЗЫ «ut per se notum» [как очевидное само по себе — прим. пер.]: оба иногда наклеиваются как декоративные украшения, чтобы прикрыть трещину в стене. Item [также — прим. пер.] читаем далее: «Это посредствующее представление должно быть чистым (без всего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой — чувственным. Таково трансцендентальное схема». (B 177) В качестве трансцендентальной схемы оказывается «трансцендентальное определение времени». «Поэтому применение категорий к явлениям будет возможно посредством трансцендентального определения времени, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение последних под первое». (B 178) Это сообщение поистине удивительно! Только что мы ясно и чётко признали: подведение явлений под категории исключено — и теперь нам это же подведение снова преподносится как осуществимое и осуществлённое. Кажется, что стоишь перед полнейшей бессмыслицей. Кажется! Молча и незаметно КАНТ подсунул другое понятие подведения. Чтобы его понять, мы должны учесть логические учения КАНТА. Подведение — это термин в кантовском учении о выводе. В кантовской логике в § 57 общий принцип всех умозаключений разума формулируется так: «Что стоит под условием своего правила, то стоит и под самим правилом». К этому примечание: «Умозаключение разума препровождает [предпосылая в качестве посылки — прим. пер.] общее правило и подведение под условие оного». Там же § 58 «Существенные составные части умозаключения разума» гласит: «Ко всякому умозаключению разума принадлежат следующие три существенные части:

1. общее правило, которое называется большей посылкой (propositio major),

2. предложение, которое подводит некое познание под условие общего правила и называется меньшей посылкой (propositio minor), и наконец

3. предложение, которое утверждает или отрицает предикат правила о подведённом познании, — заключение (conclusio). Два первых предложения в их связи друг с другом называются посылками, или премиссами». К этому примечание: «Правило есть ассерция [утверждение — прим. пер.] под общим условием… Познание, что условие (где-либо) имеет место, есть подведение». Ср. ещё B 386: «Разум, рассматриваемый как способность некоторой логической формы познания, есть способность умозаключать, т. е. судить опосредствованно (через подведение условия возможного суждения под условие данного). Данное суждение есть общее правило (большая посылка, major). Подведение условия другого возможного суждения под условие правила есть меньшая посылка (minor). Действительное суждение, которое высказывает ассерцию правила в подведённом случае, есть заключение (conclusio)». (6) Это понятие подведения принадлежит как учение о выводе, тогда как первое рассмотренное принадлежит учению о суждении. Различие двух понятий подведения не нуждается в доказательстве. То относилось к подчинению предмета понятию, это относится к подчинению случая правилу. Только с последним мы обойдёмся в учении о схеме. Схема ведь, как мы увидим позже, есть правило. Каждая категория имеет свою схему, т. е. своё трансцендентальное определение времени. Так, постоянство во времени есть схема субстанциальности.

Где я, следовательно, воспринимаю постоянство во времени, там я должен применять категорию субстанциальности, — отношение, которое можно выразить так: где значимо A, там значимо B. Где значима схема, там значима её категория, т. е. где я у явления воспринимаю своеобразный ритм, который как трансцендентальное определение времени есть схема определённой категории, там эта категория значима для этого явления, там категория должна быть применена к явлению. Итак, связь, которая устанавливается схемой между категорией и

явлением, имеет форму вывода следующего вида: Если значимо A, то значимо X A значимо при B итак: X значимо при B (Зигварт, Логика 1, с. 434) В этом выводе, согласно вольфовско-кантовской терминологии, меньшая посылка называется «подведением». Но в нашей главе КАНТ переносит это название с меньшей посылки на заключение (которое ведь уже содержится в меньшей посылке) и тем самым допускает небольшую непоследовательность по отношению к своей собственной терминологии. Когда всё это себе уяснишь, становишься способен понять предложение: «Поэтому применение категорий к явлениям будет возможно посредством трансцендентального определения времени, которое как схема рассудочных понятий опосредствует подведение последних под первое». Этим я завершаю свои усилия по истолкованию понятия «подведение». В результате получается: слово «подведение» имеет в главе о схематизме два различных значения, относительно чего КАНТ оставляет читателя в неведении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.